

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы

И. В. ЧАКВИН

ИЗБРАННОЕ

Теоретические
и историографические статьи
по этногенезу, этническим
и этнокультурным процессам,
конфессиональной истории
белорусов

Минск
«Беларуская навука»
2014

УДК [39+930.85](476)
ББК 63.5(4Бел)
Ч16

Ответственный редактор-составитель
А. Вл. Гурко

Рецензенты:
доктор исторических наук В. А. Федосик,
кандидат исторических наук В. В. Шейбак

Чаквин, И. В.
Ч16 Избранное : теоретические и историографические статьи по этногенезу, этническим и этнокультурным процессам, конфессиональной истории белорусов / И. В. Чаквин ; отв. ред.-сост. А. Вл. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 463, [16] с. : ил.
ISBN 978-985-08-1740-2.

Сборник включает избранные труды недавно ушедшего из жизни талантливого ученого Игоря Всеволодовича Чаквина, который работал над сложнейшими теоретическими проблемами этнологии: этногенез и этническая история белорусов и других славянских народов, соседних с ними этносов и этнических групп, культура белорусского народа эпохи Средневековья и Нового времени, антропология древнейшего и современного населения Беларуси. В сборнике представлены наиболее важные теоретические работы И. В. Чаквина, творческое наследие которого охватывало как область фундаментальной, так и прикладной исторической и этнологической науки, а также ряд смежных дисциплин – антропологии, фольклористики, религиоведения и др.

Предназначена историкам, краеведам, студентам вузов, широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края и происхождением белорусского народа.

УДК [39+930.85](476)
ББК 63.5(4Бел)

ISBN 978-985-08-1740-2

© Гурко А. Вл., составление, 2014
© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2014

**ИГОРЬ ВСЕВОЛОДОВИЧ ЧАКВИН:
УЧЕНЫЙ, ЧЕЛОВЕК, УЧИТЕЛЬ**

Имя Игоря Всеволодовича Чаквина мне знакомо с 80-х гг. прошлого века по школьному учебнику истории, содержащему изображения его авторских антропологических реконструкций, а также по экскурсиям в Полоцком Софийском соборе, где демонстрировались скульптурные портреты кривичей, выполненные при участии ученого. В первой половине 90-х, в годы обучения на историческом факультете Белорусского государственного университета, имя И. В. Чаквина уже твердо ассоциировалось у меня с этнологической наукой. Учебником нам служила коллективная монография «Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя», в написании которой Игорь Всеволодович принимал участие. Иными словами, задолго до нашего знакомства Чаквин был мне известен как классик, представитель высоких академических сфер – того пространства чистой науки, где обретаются Генрих Шлиман и Тур Хейердал. Это имя звучало легендарно. Не предполагал, что Игорь Всеволодович является моим современником, он достаточно молод, несмотря на свои заслуги перед наукой, и с ним можно пересечься в бытовой плоскости Минска второй половины 90-х гг. XX в.

Подобное отношение к Чаквину не является чем-то исключительным. Вспоминается разговор с одной из аспиранток ИИЭФ. При упоминании имени Игоря Всеволодовича моя собеседница резюмировала: «Это большой ученый, Вам повезло быть его учеником». Я считал также, видя счастливые стечения обстоятельств в том, что этот человек согласился быть моим научным руководителем. Причем он принял это решение дважды, в 1999 и в 2005 гг., когда я решил вернуться к науке после нескольких лет «дезертизма».

Игорь Всеволодович оказался человеком открытым, отзывчивым, обязательным, доступным, что иногда шло во вред его личным интересам. Ничто человеческое было ему не чуждо. Игорь Всеволодович ездил в минском троллейбусе, пользовался лифтом, поднимаясь на 4-й этаж. По понедельникам и четвергам, бывая в Минске, я заставал его в аскетичном кабинете ИИЭФ на улице Сурганова. Чаквин признавался, что работа в институте для него оптимальна, не стремился преподавать в вузах из-за жестких университетских графиков. Любил общение в эрудированной компании «под кофе и сигарету». Коренной минчанин, сугубо городской человек, интеллигент в нескольких поколениях, Игорь Всеволодович не чурался земледелия. Видя его на пороге деревянного

дома в частном секторе Минска, я вспоминал о том, что белорусская шляхта являлась сельским сословием. Летом его можно было застать на даче за чисто сельскохозяйственными хлопотами. Однако в повседневном и земном Чаквине всегда оставалось место для эксклюзива. Да, он курил, как многие, но при этом любил хороший листовой табак, имел коллекцию курительных трубок, часть из которых изготовил собственноручно. Причем нарочитости в этом не было, такие детали как коллекционирование трубок узнавались случайно. Столярное ремесло также было ему не чуждо. Гостиная в доме Игоря Всеволодовича напоминала библиотеку эпохи барокко. Центральное место в ней занимала монументальная книжная стена с лестницей на антресоли. Этот интерьер был создан Чаквиным собственными руками.

Человек рафинированной культуры, он, тем не менее, умел находить язык с самыми разными людьми. Общение с Игорем Всеволодовичем было комфортным. Он с легкостью устранял дистанцию между собой и собеседником, которая объективно существовала в силу его знания, опыта, достижений. Чаквин был снисходителен к чужим ошибкам, давал шанс исправиться. Вместе с тем не любил крайностей, категорических утверждений даже тех идей, которые были ему близки. Игорь Всеволодович часто выступал в роли посредника, связующего звена между различными мировоззренческими, дисциплинарными фракциями отечественной науки. Своей деятельностью он способствовал созданию некоего синтетического качества белорусоведческой науки. Игоря Всеволодовича ценили не только представители белорусского научного сообщества, его знали и зарубежные коллеги. Чаквин стремился быть в курсе развития российской и польской этнологии, с теплотой отзывался о своих зарубежных коллегах.

Похвалы Игоря Всеволодовича носили концептуальный характер. Именно от него я впервые услышал термин «полоцкая школа», к которой он авансом относил молодых исследователей из Полоцкого государственного университета – этнологов, антропологов, историков, на тот момент даже не защитивших кандидатские диссертации. Теперь слова Игоря Всеволодовича можно вполне считать пророческими – в 2013 г. была официально зарегистрирована научная школа по археолого-этнографическому изучению Белорусского Подвинья. Вклад Игоря Всеволодовича в формирование полоцкого этнологического сообщества, наряду с заинтересованным участием ряда других ведущих отечественных ученых-педагогов, несомненен.

Чаквина отличала широкая эрудиция, которая становится исчезающе редкой в нашу эпоху доступных ответов из сети Интернет. К слову, Игорь Всеволодович так и не перешел на компьютерную технику, его последняя рукопись, которую я держал в руках, набиралась на печатной машинке. Научные познания Игоря Всеволодовича были широки и точны, диапазон его научных интересов не ограничивался вопросами антропологии и этнической истории белорусов. Если попытаться максимально сжато обозначить исследовательское поле ученого – это человеческая культура во всей ее динамике и многообразии. Так же и с хронологическими рамками. На мой вопрос, какое столетие белорусской

истории его увлекает больше, он ответил, что ему интересно все в белорусской истории. Этот интерес был отнюдь не поверхностен. И. В. Чаквин стремился к достижению полноты знания в любой области, которая притягивала его внимание.

Во многом интерес Игоря Всеволодовича к истории имел эстетический характер. И. В. Чаквин был художественно одарен, увлекался мелкой пластикой. Так, им была создана коллекция глиняных игрушек-свистулек, сделанных им по народным образцам, которые ему попались в 70-х гг. прошлого века на рынке одного из белорусских провинциальных городков. Думаю, без внутреннего артистизма не было бы и Чаквина-антрополога, в частности, серии известных скульптурных реконструкций обликов наших предков, выполненных ученым.

История увлекала Игоря Всеволодовича как один из видов искусства. В научном тексте он ценил, кроме фактографической точности и новизны, также и стиль. Чаквин рассказывал, что толчком, который разбудил его интерес к истории, стала книга – древнеиндийский эпос в русском переводе, который он обнаружил на столе своего отца. Открыв этот текст, отнюдь не детский, он не мог от него оторваться, пока не прочел целиком. Его заворожили образы чужой и чуждой культуры, через яркие краски которой просматривались генетические тайны всеобщего человеческого развития. Детская увлеченность древнеиндийским эпосом неожиданно откликнулась в зрелых научных исследованиях ученого, например, в его студиях по культуре цыган. Находить в непритязательной бытовой и духовной традиционной культуре отблески этих индоевропейских образов-видений стало призванием ученого-этнолога.

Игорь Всеволодович на всю жизнь сохранил непресыщенным интеллектуальное любопытство, его живо интересовали самые разнообразные предметы: шляхетская «сарматская» культура, белорусское обычное право и цыганский быт. Его не могли не увлекать насыщенные колеры рыцарского западноевропейского средневековья. Это был интерес отнюдь не ученого-педанта. Чаквина интересовали краски, образы – то, что оживляет прошлое и придает ему достоверность. В определенном смысле он был гражданином мира, мира всеобщей истории. Вместе с тем он оставался патриотом Беларуси, Минска. Русскоязычный в быту, именно он прекратил мои недолгие колебания по поводу языка диссертации в пользу родного – белорусского.

«Минское начало» было сильно выражено в характере Игоря Всеволодовича, потомственного интеллигента, «поповича», как он себя сам временами характеризовал, имея в виду своего деда-священника. Семья и род являлись значимыми ценностями для Игоря Всеволодовича. Родители сыграли определяющую роль в становлении не только характера, но и научных интересов ученого. Их интеллектуальные интересы, таланты имеют явственное продолжение в трудах И. В. Чаквина. Он всегда с любовью и даже с восхищением отзывался о своей дочери, вероятно, угадывая в ней реализацию своих романтических черт характера, по-хорошему завидуя ее возможности свободно выбирать свою судьбу, путешествовать по миру.

И. В. Чаквин вместе с коллегой Т. А. Новгородским и учениками А. Г. Роюком, С. О. Шидловским

Игорь Всеволодович не был кабинетным ученым и хорошо знал Беларусь, активно участвуя в полевых исследованиях, научных командировках, конференциях. Возможно, эта активность полевого исследователя долгое время не давала Игорю Всеволодовичу в полной мере реализовать свой педагогический потенциал. Однако за последние годы он подготовил ряд молодых исследователей-этнологов. Игорь Всеволодович ушел из жизни, когда начинали зримо формироваться очертания его собственной научной школы. Однако объективно влияние Чаквина-ученого испытывала вся современная отечественная этнологическая наука. Многие белорусские ученые обязаны Игорю Всеволодовичу участием и помощью. Игорь Всеволодович был одним из тех, кто непосредственно способствовал обновлению отечественной этнологической науки в 80–90-х гг. XX в. Этот процесс был ознаменован отходом от этнографизма и приобретением белорусоведением аналитического характера.

Являясь признанным в отечественных и зарубежных научных кругах специалистом, он, безусловно, знал себе цену, и, вместе с тем, ему была свойственна скромность в отношении собственного научного творчества. Этим я объясняю отсутствие в творческом багаже Игоря Всеволодовича персональной монографии. Он предпочитал публиковаться в коллективных трудах. Как видится, Чаквин нуждался не столько в публицити, сколько в принципиальной оценке своей научной деятельности. Выход авторского сборника работ Игоря Всеволодовича поможет более целостно представить творчество и жизненный путь этого выдающегося ученого и поспособствует принципиальному осмыслению роли И. В. Чаквина в отечественном научном процессе.